

Охотники на бегу

Известия - 2004 - Звезды - с. 22.

В спектакле Андрея Могучего

нет обычных людей — лишь калеки

Марина Давыдова

ПРЕМЬЕРА

В Нище мировой премьерой Андрея Могучего по роману Саши Соколова «Между собакой и волком» закончился фестиваль российского искусства.

За последние несколько лет на Лазурном Берегу уже успели побывать Кама Гинкас, Евгений Гришковец, Алексей Герман, московский театр «Тень», дагестанский ансамбль «Лезгинка», «Провинциальные танцы» Татьяны Багановой, ансамбль коренных народностей севера «Энер», якутский театр драмы...

В этом пестром смешении диковинных этнографических представлений и авангардистских опусов если чего и нет, так скучного, предсказуемого мейнстрима. Во всяком случае, в театральной части. На форуме, который называют нередко «Русскими сезонами» (он возник несколько лет назад как частная инициатива нашей бывшей соотечественницы Мелании Мильбер), сделана ставка не на спектакли с участием народных артистов СССР, а на относительно новые имена. На сей раз — не знаю уж, намеренно или случайно, — это имена из Петербурга: инженерный театр АХЕ со спектаклем «Мокрая свадьба» (крики «бу-у-у», заглушаемые криками «браво»), «Балтдом» с тихим спектаклем Василия Сенина «Валентинов день» (теплый прием у публики) и, наконец, мировая премьера спектакля Андрея Могучего (бурые продолжительные аплодисменты).

Проза Саши Соколова, вязкая, как болото, терпкая, как запах ила, скорее все же модернистская, чем постмодернистская, кажется малопригодной для театральных постановок. Причем в равной степени и «пиджачных» (артисты говорят текст по ролям и воплощают характеры) и неоавангардистских (шум, лягз, треск — всем сидеть, бояться). Могучий, склонный вроде бы к радикальным способам воздействия на зрителей, нашел в романах Соколова неожиданный источник вдохновения (его предыдущая постановка — «Школа для дураков» — удостоилась всевозможных театральных наград, в том числе Гран-при БИТЕФа). Он научился слышать и визуализировать эту прозу. Ведь от романа «Между собакой и вол-

ком» у тебя остается не воспоминание, а скорее ощущение, эдакое размытое пятно, которое очень увлекательно и приятно потом разглядывать. Могучему как раз и удалось передать это ощущение.

Роман многословен, спектакль почти безмолвен, но так же, как сам Соколов сражается с языковой стихией (и в этом сражении, как кажется, состоит главный смысл его произведения), Могучий борется с образами, нахлынувшими на него от чтения романа. Из их наслоения и смешения мучительно, словно нехотя рождается история любви и смерти. Эту историю (русская Кармен Ориана и ее воздыхатели) можно «считать», а можно и не «считать». Спектакль не станет от этого ни хуже, ни лучше. Он ведь апеллирует не к интеллекту, а к свойствам памяти: так по прошествии времени русская глубинка вдруг оборачивается в твоём сознании дремучей и поэтичной страной гиперборейцев, царством вечного льда и ветра, который изображает огромный, во все зеркало сцены, колышущийся кусок полиэтилена.

Но главное — вещи. Их мириады. Ими увешаны все приспущенные штанкеты. Могучий со товарищи, кажется, облазил все блошиные рынки и помойки Нишцы, пытаясь найти что-то аутентичное той Запильщине — придуманной и в то же время совершенно реальной — которую описал Соколов.

Тут нет обычных людей — лишь калеки да калеки переходящие, нищие утильщики, инвалиды души и тела. Нет ровного течения жизни — лишь разухабистое веселье, сменяющееся затяжной депрессией. Образный ряд этого спектакля конечно же навеян Брейгелем (и в этом Могучий не оригинален: гений Северного Возрождения — первый художник, который приходит на ум при чтении книги), но главной заставкой спектакля, спроецированной на занавес, стал тут, однако, не «мужички» Брейгеля, а утонченный Ян ван Эйк с его шедевром «Портрет четы Арнольфини».

Умиротворенный покой этой картины (скрашенный в спектакле легкой иронией — муж на репродукции слегка покачивает головой, беременная жена поглаживает живот) и кричащий гротескный мир Брейгеля — два полюса, между которыми расположился сценический опус Могучего.

В сочиненном им экспортном варианте России есть все, что нужно зрителю с далеких берегов Ривьеры, — снег, каток, балерина, Пушкин из анекдотов, — но нет при этом ни грана матрешечной пошлости. Только понимание: эти страстные охотники за жизнью обязательно обретут покой. На Лазурном ли Берегу, на натающем ли снегу. Все равно обретут.

Ваша награда за покупку газеты

Уникальный бонусный номер

478 365 067 5

БОНУС
5

MNOGO RU

http://mnogo.ru
club@mnogo.ru

Просто зарплатный бонусный номер
www.mnogobonus.ru
бонусы за газеты
будут начислены бонусный счет бонусы и подарки